

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. КОММУНИКАЦИЯ. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Данилов С. Ю.

*канд. филол. наук, доц. каф. русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации УрФУ*

Сальникова А. Р.

студентка УрФУ

НЕКОТОРЫЕ СИГНАЛЫ ОТКРОВЕННОГО СЕМЕЙНОГО ДИАЛОГА В СФЕРЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СВОБОДЫ¹

Откровенность – лингвоспецифическая русская лексема и коммуникативно-культурная константа [Русское повседневное общение 2018: 7], которая предписывает (1) говорить правду, (2) испытывать от возможности открывать свои мысли и чувства радость и (3) понимать, что это рискованно и «люди могут подумать что-то плохое» [Гладкова 2008: 507].

Откровенность семейного общения связана с естественным расширением «сферы тематической свободы» [Верещагин, Костомаров 2005]. Эту мысль мы хотели бы аргументировать на материале собранных А. Р. Сальниковой семейных диалогов, в которых выявляются следующие жанрово-тематические сигналы откровенности:

1) прямое выражение оценки всеми участниками разговора, без ограничений по возрасту или полу. (Здесь и далее используются фрагменты одного диалога. Ситуативный контекст: городские родственники приехали в поселок, куда недавно переехали их близкие. Семья собирается в баню, ждут, пока баня протопится. **В.** (41 г., бывший полицейский) и **О.** (41 г., медсестра) родители **Ал.** (12 л., школьница). **Л.** (44 г., вагоновожатый) – приехавшая в гости сестра **В.**, жена **Р.** (45 л, плотник, строитель). **Р.** и **Л.** – родители **С.** (19 л., студентка) и **Ан.** (14 л., школьница)).

Самая младшая участница диалога легко отказывается следовать рекомендации тети, опираясь на оценочное суждение, которое пусть и шутливо, но легко принимается взрослыми:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Л. Ты читаешь по интернету то? (читаешь о собаке. – С. Д.)

Ал. Нет// мне тётя Ирина рассказывала// бабушка говорила// ну/ тётя Ирина бабушке говорила/

Л. Ну ты сама/ сама то тоже почитай// Чё/ тут слух/ там слух// там слух//

Ал. Зачем? У тётки Ирины// Я ей доверяю// потому что у нее офигенная собака//

Л. Офигенная//

С. У них же восточно-европейская/ да?

Опираясь на метафору, заложенную в пословице «В чужой монастырь со своим уставом не лезут», отметим, что дети выступают своеобразными «учениками-послушниками» конвенций семейной откровенности. В данном случае это проявляется в праве возражать старшему, использовать просторечную лексику (*офигенная*), настаивать на собственном коммуникативном сценарии получения информации. Любопытно, что взрослый, несмотря на то, что использует лексику *слух* (*слухи*), говорит о новом, современном подходе к поиску и проверке информации, об интернете, о множественности источников, тогда как ребенок опирается на традиционные представления о подтверждении достоверности информации через авторитетного для бабушки человека, соседку, наглядно обладающую нужным опытом: (*узнала*) *у тётки Ирины// я ей доверяю// потому что у нее офигенная собака.*

В другом фрагменте прямое выражение негативной оценки воспринимается адресантом и адресатами как основание для обсуждения последующих действий, нацеленных на исправление/ неповторение ситуации (щенок матери *О.* живет на веранде):

В. На улице/ блин// в сарае блин// На веранду зайти невозможно// Всё в говне/

нахрен//

Ал. В сарае? В сенях//

В. (на улице. – С. Д.) должна жить// а не в сенях// всё обоссано блин//

О. Так она хочет её перетащить//

Ал. Потому что у них/

В. Во двор надо//

Ал. Обычная дворняжка// У меня умненькая// Под веранду ходит// Мне хоть

какашки твои (обращается к собаке) не надо//

Л. Подожди/ это маленький// Вырастет/ кону (конуру)// Надо же/ все равно//

В. Я в ту сторону сделаю// Не то/ блять/ замучаешься тут убирать/ блин//

Пауза

Ал. Я научу в одно место/

В. Я потому хотел маленькую собачку/ чтобы/ самое главное/ гавкала/ и все/ нахрен//

Показательно, что собеседники не стараются закрыть тему, выработать общее решение, касающееся собаки. Другими словами, коммуникативно поддерживают закрепленное в семейном узусе право на неприкрытую негативную оценку, но не превращают обсуждение сложившейся ситуации в деловые переговоры. Хотя реплики коммуникантов неоднаправленные, диалог не оформлен как прекословный (каждому позволено сохранить свое мнение);

2) актуализация жанра воспоминания (*Я не помню / мы раньше / в детстве*). Инициатором воспоминания становится старшая сестра **В.**, тетя 12-летней **Ал.** При этом **Ал.** обращает свои реплики к собаке, с которой продолжает играть, взрослые не привлекают девочку к своему разговору, но и не «закрывают» информацию, что свидетельствует о сфере тематической свободы:

Л. Алиса говорит/ сегодня хочу помыться (смеётся)

Ал. Воо// отпусти//

Л. Ну/ время от времени/ как бы/ надо// Я не помню/ мы раньше/ в детстве/

Ал. Джеси/ где мои тапочки?// решила своро...

Л. Да/ Владик?// Собака жила// мы не мыли// ничё//

В. Да (кивает и делает подтверждающий жест рукой)

Л. Нормально жили//

Ал. Нет/ хочу/ умную//

В. Раньше природа была// Щас/ хрен поймешь//

Р. Вон в речку...

В. Ни укулов/ блин// Прививки// Ни хрена ничё не ставили//

Ал. Молодец!

Л. Да-а// А щас/ как что / вирус//

Ал. Наверно/ тупая какая-нибудь собака была//

Л. Ну не-е-т// У нас//

С. Я лишь на фотографии помню// белая какая-то//

Воспоминание в этом фрагменте носит информативный характер. Обсуждается, почему раньше не мыли, не водили к ветеринарам собаку – и все было хорошо. Срабатывает стереотипное решение: *Раньше природа была// Щас/ хрен поймешь//* За этим воспоминанием старших просматривается аксиологическая установка: *Мы мыслим и помним ситуацию одинаково, нас многое объединяет.* Ребенок воспринимает сказанное иначе. Для него собака – это член семьи, к которому надо относиться как к равному, но младшему, то есть обучать, заботиться. Если с другой собакой поступали иначе – значит, она была плохой. Именно этим когнитивным сценарием объясняется негативно-оценочное высказывание: *Наверно/ тупая какая-нибудь собака была//*

Реплика девочки заставляет взрослых углубиться в воспоминания, в связи с чем на первый план выводится травмирующее эмоциональное переживание, которое продолжает беспокоить и спустя много лет:

Л. Мы единственное/ когда в Свердловской области жили/ мы вот уехали из Малой Тавры// Тузик был у нас/ чёрно-белый/ красивая собака// Я вот никогда/ не помню/ а тетя Лиля говорит// «Когда мы/ гыт/ уезжали/ почему родители не взяли собаку? Вот собака жила 7 лет с нами/ 7 лет// И родители оставили и уехали// прямо/ говорит/ выла/ ныла»/ когда вот переписывались// Сказали потом// ну потом она умерла// 7 лет собака жила// и оставили родители// Она/ говорит/ «Прямо выла/ когда мы уезжали/ родители увезли нас оттуда// она прямо/ говорит/ бежала за машиной// так долго»// Ну скучала/ да// это/ как бы/ член семьи// красивая собака была// Тузик//

Демонстрируемая Л. эмоциональная открытость свидетельствует о расширении сферы тематической свободы в семейной беседе. Племянница при этом давно переключилась на игру со своей собакой. Другие собеседники не развивают заданную тему. Тематический отрезок вписывается в диалог как вставной фрагмент, как реализация права на индивидуальное речевое поведение, что в целом характерно для откровенного разговора, которому риторическая выстроенность, скорее, противопоказана [См.: Дементьев 2016];

3) эмоциональная неоднородность диалога. Травмирующее эмоциональное переживание не определяет доминанту общения, через несколько реплик поведение ребенка и собаки наводят взрослых на новое воспоминание, которое сопровождается смеховой реакцией:

Ал. (собаке) Я тебя щас покусая/ ой/ я тебя щас покусая//

Л. Смеётся.

С. Давай// мы посмотрим//

Ал. Если я говорю так/ это значит/ я её бью// Она у меня это знает//

Р. Как кто это? Олег рассказывал/ встал на четвереньки/ стал на собаку

лаять//

С. (смех) Че?!

Р. Чё-то такое//

Л. Не знаю//

Р. Щас чё-то вспомнил//

Л. Чё это? Олег/ это напротив дома/ что ли?

Р. Да-а//

Л. И чё?

Р. Чё-то/ они пьяные были// какая-то собака здоровая/ что ли// не помню

точно/

Л. Смеётся.

Р. Все говорит убежали/ а я стою// собака на меня лает/ лает// я говорит/

встал// давай на нее лаять//

Л. (смеётся)

Р. И та убежала//

Все смеются.

У Олега такая голова толстая// может/ испугалась//

О. (смеясь) Сбегу-ка я лучше отсюда//

Смех усиливается.

В отличие от предыдущего фрагмента, реплика-воспоминание не стремится к монологизации и завершенности, коммуниканты используют речевые поддержки (*чё; и чё; Олег / это напротив дома / что ли?*) поддерживают общим смехом, который демонстрирует установку на праздно-речевое общение встретившихся близких родственников.

Мужчины поддерживают позитивный эмоциональный фон байками, которые могут быть условно названы «В конуре». Байки (ср.: *Был у нас такой случай*) развивают и укрупняют организующую функцию воспоминаний в откровенном семейном диалоге. Приведем одну из них:

Смех.

В. Я тебе щас расскажу! Кудашев у нас работает/ зам командира роты/ майор/ блин// Он служил в 32-м военном городке/ блин//

Солдатом ещё в армии был// «Пошли/ говорит/ на самоволку/ блин// в форме// вечером идём/ подходит один// тоже в камуфляжной форме/ блин// когда ОМОН только создали/ блин// и он говорит/ иди сюда!// а нас двое// иди сюда! Да пошёл ты на хрен! Кто такой / блин// Я солдат»// Только у них зеленая форма/ а там.../ ну ты понял/

Р. Да//

В. Пошёл ты на хрен! Он подходит/ «Ты чё/ офигел/ что ли?» Взял/ зарядил/ на хрен/ блин// этот/ «Я говорит// как бляху снял/ дал// он как заорет// аааааа//блять//Атас/ не атас/ блять// на помощь!» Я стою/ блин/ оттуда выбежали и за нами// блин/ «Бежим/ говорит/ «через частный сектор// через забор»// Они / «Всё!» Они кричат// «Все окружили»!

Л. Это ОМОН//

В. Забор/ через забор// Там собака лает/ на хрен// Собак выгнали/ и залезли// туда/ блин//

Л. смеется.

В. «Я/ ладно говорит// другой ещё куда-то ушёл// куда спрятался/ не знает/ короче// и всё/ эти ходят/ ищут// где они// собака гавкает// я/ говорит/ там целый час просидел»//

Общий смех.

В. «А потом уже узнал/ говорит// это омовцы были// прикинь/ если бы меня поймали/ что бы было»//

Л. Да-а//

В. смеется.

О. Ещё в самоволке// еще к тому же//

Л. Да-а // Вот это смешно// а в тот момент то не смешно ведь было// Это кажется щас смешно//

Ал. Где мячик потеряла?//

Рассказчик ориентирован на просторечную культуру (употребляет общенизмы в междометной функции, не стесняясь детей и женщин, но иногда заменяя нецензурные слова эвфемизмами). Он начинает с вводной реплики *Я тебе щас расскажу!* (байка в ответ на байку), активно пользуется изобразительной диалогизацией (пересказ в лицах), при этом диалог дорабатывается на ходу, то есть образ рассказчика усиливается за счет объединения позиции *здесь и сейчас* и позиции участника событий. В партиях речевой поддержки появляются реплики-подхваты *Это ОМОН//* и развивающие комментарии *Ещё в самоволке// еще к тому же; Да-а// Вот это смешно// а в тот момент*

то не смешно ведь было// (смех) Это кажется щас смешно// В рассказ вовлечены все участники семейного диалога, кроме младшего ребенка, который продолжает заниматься собакой, что следует из реплики *Где мячик потеряла*, обращенной к животному.

Задаваясь вопросом, почему байка-воспоминание так активно поддерживается, а рассказ-воспоминание о травмирующем эмоциональном переживании остается вставным фрагментом, выскажем предположение, что в откровенном семейном диалоге существует запрос на информацию особого типа, который проявляется именно в речевых действиях собеседников. Важно при этом, что право на высказывание остается. Коммуникативное правило открытого общения «*будь собой*» никем не оспаривается.

Видно это и в отношениях к детям, которых, с одной стороны, не прогоняют, с другой – не вовлекают в разговор искусственно, не призывают их быть внимательными к непринужденному праздно-речевому общению взрослых и *ума-разума набираться*:

Л. Аня/ ты чё такая притихшая? Какая-то/ ты в деревне какая-то/

Р. Домой хочет/ че//

Л. Тихоня у меня//

Ан. Нет/ потому что вы тут//

Р. Да?

Ан. Да-а//

Р. Щас бы на голове стояла?

Ан. Мхм//

В прилюдном разговоре родителей с дочерью за подростком сохраняется право отвечать прямо, немного дерзить (*Да? – Да-а*) или уклоняться от ответа на неинформативный (провокативный) вопрос.

Откровенный семейный диалог в сфере тематической свободы базируется на коммуникативной ценности принятия своих «*нас многое объединяет*», которая может быть эксплицирована. Так, в ответ на реплику матери, которая ставит условие «или пойдешь в баню, или я тебя больше отпускать не буду» дочь констатирует: (Отпустишь, конечно) *Ой/ мама/ я тебя знаю уже*.

Можно сказать, что откровенность принимается и проверяется в семейном общении только *в некоторой мере* (осознанной или неосознанной, эксплицированной или нет) и прививается детям как набор сложившихся в семье правил оценки и передачи информации, тем самым организуется речевой репертуар конкретной семьи, где даже в самой большой ссоре не всякое следует сказать, где в разговоре по душам надо говорить о главном,

уважая семейные табу, где отступление от норм проходит проверку на взаимность [См.: Владимирова 2007] и личность [См.: Дементьев 2013; 2016].

Таким образом, сигналами откровенного семейного диалога в сфере тематической свободы становятся: (1) прямые выражения отрицательной и положительной оценки всеми собеседниками, (2) актуализация жанра воспоминания, (3) эмоциональная неоднородность общения, вплоть до контрастных сдвигов высказываний, воспринимающаяся как естественное право говорящих на выражение индивидуальных переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под ред. и с послесловием акад. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005.
- Владимирова Т. Е.* Речевое общение в межкультурном личностном взаимодействии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
- Гладкова А. Н.* Концепт 'откровенность' в русской и английской картине мира // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 502–514.
- Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: ГлобалКом, 2013.
- Дементьев В. В.* Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2016.
- Русское повседневное общение: прагматика, культурология: монография / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2018.

Замятина А. В.
студентка УрФУ

АТТРИБУТИВНЫЕ ГРУППЫ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА»

Так называемая атрибутивная группа (она же цепочка слов, цепочка существительных) – это «цепочка определений, состоящая из нескольких